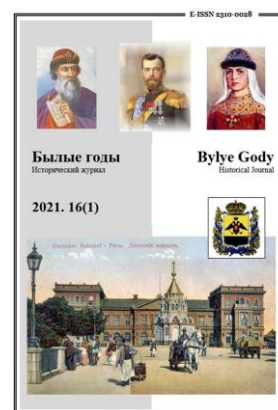

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 146-158.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.146
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First Conflict over the Administrative Boundary Line Yekaterinoslav Province and Don Host Oblast: Experience of Historical Reconstruction

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}, Nikolay A. Trapsh ^c

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

This article examines the first border conflict between the power structures of the Yekaterinoslav province and the Don Host Oblast, which began in the 1820s, developed for more than 10 years and was documented in differentiated sources. The involved empirical material made it possible to reconstruct in detail the complex relationships between two adjacent administrative subjects of the Russian Empire, the real features of land management practice in the regional space, and the specific features of the local bureaucracy. In particular, the author's reconstruction of individual managerial contacts between the executive branch and judicial institutions, illustrating the insufficiently effective coordination of joint actions, is of considerable interest. The collected facts made it possible to establish a systemic connection between the internal socio-political processes that developed during the period under review in the Don Army Region and the external ties of regional power structures. Special attention should be paid to local stories related to open and latent conflicts between the military authorities and the highest imperial administration, which led to a further reduction in the administrative powers of the local elite. It should be noted that a number of portrait sketches characterizing regional officials, for example, the military chieftain D.E. Kuteinikov, and allowing to organically illustrate synchronous administrative processes. The presented article is based on authentic archival materials, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: border, Yekaterinoslav province, Don Host Oblast, conflict, power, land surveying, ataman, official, administration, chancellery.

1. Введение

Территориальные споры, актуализирующие социально-политические процессы, являются традиционным исследовательским объектом исторической науки. В XIX столетии подобные споры были естественной частью административной практики, относящейся к земельному межеванию и практическому взаимодействию имперских субъектов. Территориальные споры Екатеринославской губернии и области Войска Донского нередко сопровождались открытыми конфликтами, в которых были задействованы не только местные власти, но и высшие органы Российской империи (Милютин 1947: 183; Милютин 1949: 25). Как представляется, значительный интерес представляет принципиальный вопрос о нижней хронологической границе конфликтной практики, позволяющий адекватно реконструировать разнообразные проблемы социально-экономического и политического характера. Следует учитывать также и то существенное обстоятельство, что общественная и правовая актуальность территориальных споров XIX столетия экстраполируется и в современные условия, связанные с трансграничным взаимодействием независимых государств.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko), dukekeleshbey@gmail.com (N.A. Trapsh)

Специальное исследование избранной проблемы представляет и серьезный источниковедческий интерес, предполагающей комплексное изучение дифференцированных документальных комплексов атаманской канцелярии Войска Донского, значительная часть которых до настоящего времени не введена в научный оборот. Последовательный анализ отдельных дел, хранящихся в профильном фонде Государственного архива Ростовской области, привел к системной реконструкции поистине фарсовой истории, связанной с первым территориальным конфликтом между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского, наглядно демонстрирующим объективные трудности практического управления чересполосным краем. Необходимо отметить, что рассмотренные события отчетливо иллюстрируют не только сложную практику административного взаимодействия, но и оригинальную систему войскового управления, действовавшую до 1835 г., и своеобразные нравы донских чиновников первой половины XIX в.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу представленного исследования составили опубликованные и архивные материалы документального характера, а также отдельные нарративные источники (Новицкий, 1991; N..., 1875). Эмпирический материал был реконструирован в результате последовательного изучения отдельных разделов профильного фонда 46 «Атаманская канцелярия (канцелярия войскового наказного атамана)» Государственного архива Ростовской области (ГАРО), в том числе дела 484 «Дело об установлении границы между Екатеринославской губернией и землей войска Донского», дела 491 «Указы департамента военных поселений (1839 г.)», дела 513 «Указы департамента военных поселений (1843 г.)» и дела 1130 «Дело о присоединении Миусского округа к проектируемой Таганрогской губернии». Отдельные факты, осмысленные в рамках авторской концепции, были привлечены из неопубликованных материалов отдела рукописей Российской государственной библиотеки, а также документального сборника, посвященного пограничным спорам России и Украины в 20-е гг. XX столетия (Галкин, 2015).

2.2. Методологическая модель предлагаемого исследования сложилась на основе традиционного подхода, связанного с системным использованием компаративистских, генетических и функциональных приемов комплексного изучения эмпирического материала. Значительное внимание было уделено текстологическому анализу выявленных документов, имеющих существенные содержательные особенности. В отдельных случаях реконструированные факты подвергались перекрестной проверке, опирающейся как на синхронные исторические свидетельства, так и на объективные результаты предшествующей исследовательской практики. Применительно к системному изучению отдельных фактов и личностей авторская концепция предполагает активное использование микроисторических методов, предложенных известным французским исследователем Э. Ле Руа Ладюри и связанных с целенаправленным восстановлением целостного социального явления по дифференцированным фрагментам (Ле Руа Ладюри, 2001).

3. Обсуждение

Избранная проблема впервые в отечественной историографии рассматривается в комплексном формате, но объективное отсутствие предшествующих специальных работ не означает принципиального отрицания реальной значимости исследовательского опыта отдельных предшественников. Территориальные споры в рассматриваемом регионе вызывали серьезный интерес в контексте политических процессов 20-х гг. XX столетия, связанных с официальной демаркацией административной границы РСФСР и УССР в Приазовском крае. В данном ракурсе можно выделить известные публикации Е.Ф. Кринко и М.В. Медведева, посвященные официальной передаче Таганрогского и Шахтинского округов РСФСР (Krinko, Medvedev, 2015a: 204-219; Krinko, Medvedev, 2015b: 288-295). Кроме того, значительный интерес представляют профильные работы луганского историка И.Е. Татаринова, целенаправленно изучавшего сложный комплекс трансграничных проблем (Krinko, Татаринов, 2014: 639-644; Татаринов, 2019a: 47-55, Татаринов, 2019b: 103-113). Однако, как это часто бывает, предыстория данных событий остается почти не изученной историками. Хотя общеизвестно, что часть Екатеринославской губернии с Ростовом-на-Дону, Нахичеванью-на-Дону, Таганрогом и Азовом в конце XIX в. вошла в состав области Войска Донского, серьезных исследований, специально посвященных процессу территориальной трансформации Приазовья того времени, не существует до сих пор. Между тем пограничные споры и связанные с ними попытки территориальных изменений на этой территории продолжались как минимум с 1820 гг. по 1880 гг. Многие из этих споров были интересны сами по себе: например, как мы показали в одной из предыдущих статей, в 1870 гг. министр внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашев утверждал, будто бы малороссы западных территорий Донского Войска не желают жить под властью казачьей администрации, и на этом основании призывал создать отдельную Таганрогскую губернию из восточных территорий губернии Екатеринославской и западных территорий области Войска Донского (Перетяцько, 2016: 448-456).

4. Результаты

Сложно сказать, с какого именно момента начались споры по поводу границы между Екатеринославский губернией и Землей Войска Донского. Дело в том, что в конце XVIII – начале XIX вв. сама система управления Донским краем только формировалась, и документооборот официальных учреждений не был в должной степени структурирован. Например, даже после введения в действие «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г., регламентировавшего большую часть сфер жизни казачества, в 1839–1843 гг. Департамент военных поселений трижды менял инстанцию, куда донские власти должны были посылать финансовые отчеты, сперва предписав направлять их главному контролеру (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 93–94), затем в Министерство внутренних дел (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 104), а затем в Военное министерство (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 513. Л. 34). Кроме того, в 1858 г. войсковой архив горел, причем «этим пожаром было уничтожено 10 000 связок, заключавших 335 254 дела» (Стефанов, 1927: 16–22). Современники, возможно несколько преувеличивая масштаб катастрофы, утверждали, что «пропали все главнейшие исторические памятники XVIII столетия» (Краснов, 1863: 3). Таким образом, вполне вероятно, что информация о первых конфликтах между войсковыми и губернскими учреждениями просто не дошла до нас, и спор о том, где проходит граница казачьих областей и малороссийских губерний, возник еще раньше.

Не сохранились и первоначальные документы о первом подобном конфликте. Тем не менее о них достаточно подробно рассказывается в отчете войсковой канцелярии атаману Д.Е. Кутейникову от 3 ноября 1832 г. К сожалению, данный документ плохо сохранился, и местами его просто невозможно прочесть. И все же из него видно, что 15 сентября 1826 г. ростовский земский суд потребовал от войска прислать землемера для исправления «межи города Азова по реке Дону с Войском Донским» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 1).

Дальнейшие события хорошо объясняют как причины конфликтов между войсковыми и губернскими властями, так и то, почему вообще с 1830 гг. регулярно ставился вопрос о необходимости устранения чересполосицы между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией в Приазовье. Войсковая канцелярия ничего против пересмотра межи не имела и уже 30 октября 1826 г. приказала послать для выполнения этой задачи землемера Быхалова и чиновника Кунделекова (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 10б.). Однако затем началась полная неразбериха, хорошо иллюстрирующая уровень компетенции и ответственности донских чиновников того времени: Кунделеков не успел даже начать выполнения возложенной на него миссии, как был переведен на другую должность и заменен неким Калининым; но и Калинин мог заняться обмером межи не ранее, как закончив работу в особой комиссии в Старочеркасской станице; так дело протянулось до 1828 г., когда выяснилось, что Калинин в комиссии уже не состоит, но и к выполнению интересующей нас миссии не приступил; после этого ему и Быхалову было предписано срочно начать работы, однако теперь уже Быхалов уведомил начальство, что «хотя и следовало ему съезжать к поновлению межи города Азова с Войском Донским, но <...> он от означенной должности войскового землемера уволен» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 10б.-2).

Таким образом, войсковые власти фактически на ровном месте оттянули исполнение просьбы ростовского земского суда на два года. И подобные случаи вопиющей некомпетентности и халатности донских чиновников, тогда еще не назначавшихся, а избиравшихся донскими дворянами, были типичны. Как раз незадолго до интересующих нас событий, в 1823 г., будущий военный министр российской империи А.И. Чернышев констатировал: «Многие из них (донских чиновников – Авт.) достойные, но недостаточные по своим способам часто не могли присутствовать при выборах и сами быть избираемы единственно потому, что за отдаленностью жительства своего от города и по трудному переезду не могли в оном быть, или неправильно от сего устранялись поводом войсковой власти. От сего в выборах к должностям участвовали не все чиновники войска, и нередко жребий падал на людей, не имеющих общего к себе доверия» (Столетие военного..., 1902: 275–276). Бесспорно, А.И. Чернышев не был беспристрастен по отношению к донским казакам, однако даже в 1867 г. начальник Главного управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф отмечал, что обязательная служба, не предполагавшая возможности выхода в отставку, глубоко развращает верхушку Донского Войска, поскольку «большинство офицеров, зная, что их не могут выгнать, нисколько не дорожат своей репутацией и ведут себя дурно» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 23. Ед. 19. Л. 16). Служивший в те же 1860 гг. чиновником для особых поручений при донском атамане В.Д. Новицкий видел донскую элиту и на военной, и на гражданской службе. По его словам, до милютинских реформ нередко были случаи, когда «полк входил в пределы войска без командира полка, который, укрываясь, из боязни, от казаков полка (не получавших положенных денег на службе – Авт.), исчезал в неизвестное пространство» (Новицкий, 1991: 56). Состоящие же на управленческих должностях казачьи чиновники и вовсе «на войсковую казну и собственность смотрели легко и зачастую приобретали право на эту собственность всевозможными незаконными путями и способами» (Новицкий, 1991: 53). Понятно, что в этих условиях ждать от основной массы донских чиновников дисциплины и исполнительности не приходилось.

Рис. 1. Карта спорных земель (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 81)

Но и когда в 1829 г. войсковой чиновник Щедров и землемер Груднев приступили к работам, ситуация не улучшилась. 9 октября 1829 г. они доносили, что дважды выезжали на межу и трижды посылали в ростовский земский суд отношения о присылке чиновников с его стороны, однако ответа так и не получили (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 4). Тем не менее никаких мер принято не было до 1831 г., когда уже Щедров был назначен на новое место и должен был сдать дела другому чиновнику, Леонову (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 40б.). И тогда войсковая канцелярия приняла достойное всего хода дела решение: 10 октября 1831 г. она постановила, что раз ростовский земский суд на связь не выходит, то необходимости в изменении границы между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернии больше нет, о чем и следует известить этот суд (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 40б.). Однако на самом деле екатеринославские власти по-прежнему считали необходимым пересмотр границы, просто, как мы увидим ниже, инициатива в этом вопросе исходила вовсе не от ростовского земского суда, который выступал только посредником, а от азовской посадской ратуши, в которую донские чиновники обратиться не догадались. И 7 июня 1832 г. уже эта ратуша, устав ждать, прямо затребовала давно ею ожидаемых войскового чиновника и землемера для исправления межи, ссылаясь на требования ростовского земского суда от 15 сентября 1826 г. (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484.

Л. 1). 3 ноября войсковая канцелярия снова согласилась принять это требование, обвинив в произошедших «упущениях» исключительно черкасское сыскное начальство, которое должно было непосредственно контролировать пересмотр межевания (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 40б.).

Таким образом, еще четыре года оказались потеряны из-за отсутствия адекватных контактов между высшими войсковыми и губернскими властями. Как видно из описания событий выше, дело вообще велось крайне странно: со стороны Екатеринославской губернии пересмотра границы требовали самые низшие инстанции, земский суд и посадская ратуша, а со стороны Земли Войска Донского войсковая канцелярия реагировала на их предписания, но сама на прямой контакт с какими-либо государственными органами Екатеринославской губернии не выходила, оставляя организацию этого контакта чиновникам, непосредственно занимавшимся размежеванием. Тут уместно снова указать на то, что такое положение дел было типично, и позднейшее официальное «Столетие Военного Министерства» констатировало, что в начале XIX в. на Дону «отсутствовали точные и определительные законодательные положения, взамен которых войсковые учреждения, во многих случаях, руководствовались устаревшими, малоизвестными и часто противоречивыми обычаями и распоряжениями прежних войсковых атаманов» (Столетие военного министерства, 1902: 158). Кстати, и введение в действие «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г. не устранило сложностей при сношениях с администрацией Екатеринославской губернии. Дело в том, что почти сразу после принятия этого законодательного акта, в 1837 г., был издан высочайший указ, согласно которому по большинству дел, выходящих за пределы его компетенции, войсковое начальство должно было обращаться в Военное министерство, чтобы «от Министерства сего зависели уже сношения с другими Министерствами» (Столетие военного министерства, 1902: 270). В итоге Екатеринославская губерния и Земля Войска Донского оказались подчинены различным министерствам, не всегда имевшим хорошие отношения между собой, и проблемы между этими регионами, включая и территориальные, постепенно стали решаться не напрямую, а с привлечением имперских властей (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1130. Л. 1-7).

Впрочем, в 1830 гг. взаимодействию губернских и земских властей мешало еще не подчинение разным министерствам, а банальная неорганизованность и своеобразное чиновничье высокомерие. В 1833 г. события прежних лет повторились: 19 апреля посланные войском для размежевания чиновники вместо того, чтобы вступить в адекватный контакт с екатеринославскими властями, снова напрямую обратились в ростовский земский суд, поставив его перед тем фактом, что они планируют начать размежевание 1 мая и ждут на эту дату чиновников противоположной стороны в Елисаветовской станице (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 60б.). Напомним, что донские власти искали чиновников для размежевания два года, а за изменение границы ратовала азовская посадская ратуша, а вовсе не ростовский суд. Поэтому вполне предсказуемо, что, когда 1 мая донские чиновники прибыли в Елисаветовскую станицу, они не обнаружили там екатеринославских чиновников и пожаловались в черкасское сыскное начальство (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 60б.). Это начальство полностью их поддержало, еще и распорядилось «понудить» чиновников ростовского суда к «самоскорейшей и неременной явке» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 70б.-8). Только после этого, 2 и 15 мая, войсковая канцелярия догадалась, наконец, поставить в известность обо всем происходящем екатеринославского губернатора (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 11).

Нужно сказать, что на этот момент екатеринославские власти были готовы на доброжелательное сотрудничество с властями донскими и немедленно согласовали назначение со своей стороны конкретных чиновников для уточнения границы. Ими стали дворянский заседатель Мускут и землемер Шаржинский (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 13). Однако и это ничуть не помогло найти контакт представителям соседних регионов. Черкасское сыскное начальство вместо продолжения доброжелательного диалога послало Мускуту и Шаржинскому ультимативную «просьбу» о «скорейшем прибытии для межевания» в установленное этим начальством место (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 13). Ответ был предсказуем: землемер Шаржинский сообщил, что, во-первых, он имеет предписание проводить размежевание только с ростовским предводителем дворянства, который в настоящее время занят; а во-вторых, и сам Шаржинский в настоящее время по приказу новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова прикомандирован к Таганрогскому градоначальству, где выполняет срочные работы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 130б.).

Именно с этого момента то, что начиналось как простое недопонимание, начало приобретать черты настоящего конфликта. 15 июня 1833 г. в документах впервые появляется жалоба казаков на нарушение границы жителями Екатеринославской губернии. Хорунжий Беспалов докладывал, что при подготовке к межеванию он принял эту жалобу от жителей косы Елисаветовской станицы, которые возмущались тем фактом, что кагальницкие поселяне «покосили в настоящее время траву в гирлах Дона на Песчаном и Бирючем островах, принадлежащих Донскому Войску» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 14). После этого назначенные для межевания донские чиновники Решетников, Беспалов и Груднев заявили о необходимости ставить вопрос не только о проведении границы между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией, но и о «произведении следствия о наказанном ростовскими жителями на войсковой земле» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 140б.).

Судя по всему, эта информация вызвала беспокойство войсковых властей и понудило активно вмешаться в ситуацию самого донского атамана Д.Е. Кутейникова. За 1833 г. он несколько раз просил екатеринославского губернатора Н.М. Лонгинова обеспечить своевременную явку своих чиновников, причем губернатор, в свою очередь, поддержал эту просьбу и несколько раз приказывал ростовскому земскому суду ускорить присылку заседателя Мускута для межевания (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 23а, 25). Суд, однако, не торопился; да и едва ли его представитель мог что-то сделать без землемера, занятого по указанию генерал-губернатора в Таганроге. Роли, по сравнению с концом 1820-х – началом 1830-х гг. поменялись: теперь войсковые власти, осознавшие, что крестьяне пользуются войсковой землей в гирлах Дона, требовали срочно принять меры, а екатеринославские чиновники не слишком торопились выезжать к меже, ссылаясь на занятость. Но принципиального конфликта из-за границы все еще не наблюдалось: напротив, 30 октября 1833 г. екатеринославское губернское правление в очередной раз информировало Д.Е. Кутейникова о том, что принимает меры к скорейшему решению проблемы и теперь пытается заменить Шаржинского другим землемером или добиться немедленного выполнения им работы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 32-33).

Обострить ситуацию хотели скорее донские низовые чиновники, особенно хорунжий Беспалов, 11 ноября 1833 г. подавший атаману рапорт. В его интерпретации выходило, что с 1818 г. войсковые власти пытаются защитить казачьи довольствия от использования крестьянами устья Дона, и только неявка екатеринославских чиновников препятствует этому благому делу (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 34). Правда, даже из текста его рапорта становится ясно, что ситуация была не столь однозначной и, возможно, прежняя неторопливость местных властей в деле размежевания была связана и с личной выгодой. Во всяком случае, как сообщал Беспалов, многие казаки и калмыки соглашались пускать крестьянский скот на выгоны под видом своего, получая за это от одного до десяти рублей (очевидно, в год) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 34об.). Екатеринославские власти согласились и с этим обвинением: 8 декабря 1833 г. года лично Н.М. Лонгинов признал факт использования крестьянами казачьих земель и в очередной раз заверил Д.Е. Кутейникова, что просьба помочь и принять меры отправлена во все соответствующие инстанции, включая ростовский суд и азовскую посадскую ратушу (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 37-37об.).

Рис. 2. Генерал от кавалерии, наказной атаман и кавалер Дмитрий Ефимович Кутейников (Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 37)

Однако новый 1834 г. начался с дальнейшей экспликацией конфликта. Начальник приморской войсковой команды 9 января сообщил Д.Е. Кутейникову, что крестьяне игнорируют попытки препятствовать нарушению границы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 38). С «буйством и угрозами» нарушители просто отказывались подчиняться властям, ссылаясь на некую «позволительность» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 38). Да и сам начальник признавал, что в местах, где «нет признаков граничных», крестьяне издавна считают «часть земли донской своею» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 38-38об.). На этом фоне к 29 марта 1834 г. Д.Е. Кутейников соглашался уже на то, что дату и место

встречи для пересмотра границы выберут екатеринославские чиновники, а донские будут готовы прибыть на встречу с ними (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 420б.). Но 13 апреля того же года войсковая канцелярия вынесла очень своеобразное решение, в котором, вопреки предыдущим документам (и в полном согласии с рапортом хорунжего Беспалова), впервые заявила, что вопрос об уточнении границы с Екатеринославской губернией был поднят ими не в 1826 г. из-за требования ростовского земского суда, а еще в 1818 г. из-за «вторжения губернских жителей землями своими на землю войсковую» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 480б.). Данное утверждение выглядит сомнительным прежде всего потому, что в нарушение обычной практики при этом не было приведено ссылок на номера и даты соответствующих документов. В любом случае члены канцелярии потребовали от екатеринославских властей немедленно прислать чиновников для пересмотра границы в указанное донскими властями место, грозясь в противном случае, независимо от позиции атамана, «жаловаться правительствующему сенату» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 49-490б.).

На фоне начавшегося конфликта чиновников соседних регионов, забеспокоились и в войсковой чертежной. Еще в 1833 г. в нее обратилась войсковой землемер Груднев, вполне резонно указывая, что ему предстоит уточнить не «частную», а «губернскую» границу, и потому необходимо точно знать, где она должна проходить, а для этого необходима «межевая книга» с «подробным назначением и описанием» межи (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 520б.). После всего описанного выше не удивительно, что в войсковой чертежной соответствующей информации не нашли, да еще и отметили, что Грудневу должно было быть известно, что подобных документов в войсковых учреждениях просто нет (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 520б.). А 5 июня 1834 г. войсковая чертежная сообщила вышестоящим властям, что границы Земли Войска Донского с Екатеринославской губернией проводились в 1803 г. ростовским уездным землемером, который передал войсковым чиновникам только копию с итогового плана (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 52-53).

Только 16 июля 1834 г. в войсковую канцелярию, наконец, отписал «неуловимый» ростовский земский суд. Из него пришел рапорт Д.Е. Кутейникову, как ни в чем ни бывало сообщавший, что чиновник и землемер от суда, наконец, получили «строгое предписание» связаться со своими коллегами с казачьей стороны, а разбирательство по поводу захваченного на донской земле сена уже ведется (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 57-58). Возможно, это произошло даже не из-за активности донских чиновников, но благодаря азовской посадской ратуше, в мае 1834 г. обратившейся к екатеринославским властям и, похоже, разъяснившей им суть проблемы. Представители ратуши сообщали, что неудобства из-за неверно проведенной границы с Землей Войска Донского испытывали именно они: «От Елисаветовской станицы усиленным образом продолжается лов рыбы на реке Дону в местах, принадлежащих посадку Азову, под тем предлогом, что те места принадлежат одной станице» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 60). Соответственно, ратуша тоже задавала вопрос о том, почему проведение границы так затянулось, но, в отличие от донских чиновников, просто просила екатеринославские губернские власти указать время и место предполагаемого размежевания, чтобы выслать на него и своего депутата (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 600б.).

Таким образом, на первый взгляд странное поведение екатеринославских властей оказалось вполне объяснимым. Пересмотра границы, как мы уже отмечали выше, хотела преимущественно азовская посадская ратуша, в 1832 г. заново открывшая вроде бы уже законченное за ненадобностью дело о нем. И не только войсковые власти до получения известия о незаконном пользовании крестьянами земли, но и екатеринославские губернские власти, и даже ростовский земский суд не испытывали особой нужды в проведении окончательной границы, и поэтому затягивали начало работ. Возможно, дело было и в желании чиновников наживаться на покрытии незаконного пользования землей (вспомним оплату за выпас крестьянского скота на казачьих полях), и в страхе перед тем, что документы о правильном положении границы утеряны, что вскроется при новом размежевании. В любом случае все эти проблемы затянули дело на восемь лет, и только к 1834 г. войсковая канцелярия и ростовский земский суд смогли выйти на связь друг с другом.

Однако даже в этих условиях, когда вроде бы все стало ясно, чиновники продолжили своеобразный, доходящий уже до абсурда конфликт по поводу того, кто должен определять время и место размежевания. Обе стороны вроде бы решили начать размежевание в октябре 1834 г. 14 октября на границу прибыл войсковой депутат генерал Кирсанов, и екатеринославским чиновникам сообщили, что он встретится с ними 15 октября против Петровского ерика (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 64). Однако, выехав на место, генерал Кирсанов с сопровождающими никого не нашли, и 16 октября войсковой депутат отбыл в Таганрог (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 640б.). А 17 октября уже екатеринославская делегация прислала указание о необходимости срочной встречи, но теперь донские чиновники на нее не явились, ссылаясь на невозможность обсуждения в отсутствие генерала Кирсанова (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 640б.). Наконец, 16 ноября 1834 г. две делегации встретились и начали работу, но только для того, чтобы выяснить: даже местные старожилы помнят всего два межевых знака, причем один из них признается не всеми (напомним, что полноценную межевую книгу найти так и не удалось) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 69). Землемеры Груднев и Шаржинский немедленно поссорились из-за достоверности второго знака, а генерал Кирсанов, очевидно, не горящий желанием вести землемерные работы в ноябре, через несколько дней, ссылаясь на свое слабое

здоровье, снова свернул работы и отбыл в Таганрог (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 69об.-70). К декабрю 1834 г. информация об этой становящейся все более абсурдной истории дошла уже до новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова, которому Д.Е. Кутейников пожаловался на не проявляющих должной активности в деле размежевания екатеринославских чиновников (на наш взгляд, ему скорее следовало жаловаться на своего же генерала Кирсанова) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 71).

Несмотря на все это, войсковая канцелярия продолжала свою прежнюю политику, направленную не столько на решение проблем, сколько на раздувание конфликта с не выполняющими ее постановления екатеринославскими чиновниками. В январе 1835 г. она разобрала события октября прошлого года, игнорируя события ноября и то, что сама граница, как стало ясно, должна была быть определена заново. Действия генерала Кирсанова оказались всецело одобрены, а екатеринославские чиновники были названы «уклонившими себя без законных причин» от дела уточнения границы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 73об.-74). Войсковая канцелярия снова в одностороннем порядке постановила начать новый этап размежевания 10 мая 1835 г. во все той же Елисаветовской станице, а екатеринославским чиновникам приказала явиться в это время на нужное место (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 74). Кроме того, Кирсанов доложил начальству о «неуважении к чиновничеству» со стороны ростовского заседателя, а войсковая канцелярия обратилась в правительствующий сенат, чтобы он наказал екатеринославские власти (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 74-74об.). Более разумно действовал землемер Груднев, представивший свои соображения по поводу разночтений в деле проведения границы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 81). Мы не будем приводить их технических деталей, вместо этого приложив архивную карту, из которой ясно видно: землемеры не сошлись в вопросе о том, кому должна принадлежать часть богатого рыбой устья Дона.

Рис. 3. Карта, поясняющая конфликт между войсковым и ростовским землемерами (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 81)

27 апреля войсковая канцелярия рассмотрела и этот конфликт и снова повела себя весьма оригинально: она не просто поддержала Груднева, но и, откровенно приказывая равному по статусу учреждению, потребовала, чтобы землемер, представляющий интересы Екатеринославской губернии при составлении новой границы, был заменен (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 94).

Мы позволим себе не останавливаться подробно на дальнейшей переписке войсковой канцелярии и екатеринославского губернского правления, значительно возросшей в объемах. Просто отметим, что на обвинение донских властей власти екатеринославские начали отвечать уже менее доброжелательно, порой и сами переходя в наступление и обвиняя донских чиновников. Например,

узнав о жалобах генерала Кирсанова на неявку представителей екатеринославских властей на встречу с ним, земский суд отвечал, что и на его предложение о встрече не отреагировали чины Черкасского сысского начальства (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 95). В любом случае, поскольку теперь донской стороне было важнее уладить вопросы о границе, войсковая канцелярия согласилась на перенос сроков начала межевания на 15 мая 1835 г. в станицу Батайскую, как предлагал ростовский уездный предводитель дворянства (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 102об.). Правда, снова возникла проблема с землемерами: Груднев по ходу дела сообщил, что полученная им из войсковой чертежной карта очень плохо соотносится с межевыми признаками, которые указывает местное население, и он может руководствоваться или картой, или этими признаками, но никак не тем и другими вместе (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 108-108об.). Но настоящая проблема была даже не в этом. Работы... снова забыли согласовать с екатеринославскими властями. Это кажется невероятным, но в конце мая Д.Е. Кутейников получил письмо от ростовского уездного предводителя дворянства, того самого, на предложения которого о переносе даты и места начала работ согласилась войсковая канцелярия. Отписать об этом самому предводителю просто забыли, и его письмо оканчивалось закономерной жалобой на то, что попытки размежевания «продолжаются уже более десяти лет единственно за неприкомандированием депутата со стороны Войска Донского» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 112-112об.).

Войсковая канцелярия, осознавая, что сроки межевания в очередной раз сорваны, наконец, поняла, что генерал Кирсанов совершенно не справляется с возложенным на него поручением. Оказалось, что генерал каким-то образом умудрился не получить указания о переносе места и времени размежевания и ждал екатеринославскую депутацию не 15 мая в Батайске, а 10 мая в Елисаветовской (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 118-118об.). Даже узнав о том, что ростовский предводитель дворянства с землемером ждут его в Батайске, Кирсанов туда не поехал, зато направил начальству прошение об освобождении его, за слабостью здоровья, от ведения работ (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 118об.). Нужно ли говорить, что просьба этого достойнейшего чиновника была удовлетворена, после чего войсковая канцелярия, демонстрируя удивительную неспособность учиться, единолично назначила новое размежевание на 25 августа (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 120об.-121)? Землемер Груднев получил не менее выдающееся указание: ему было велено руководствоваться не картой и не межевыми знаками, но «тем, что ближе к действительности и сохранению войсковых прав» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 121). Пожалуй, именно этот землемер, с самого начала пытавшийся вести работы на местах, вызывает жалость: пока войсковые власти разбирались с генералом Кирсановым, именно он пытался уговорить екатеринославскую депутацию «несколько поободать» и не горячиться, но члены этой депутации тоже решили самостоятельно назначить грядущее обмежевание на 5 октября (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 122об.). Да и екатеринославское губернское правление уже начинало откровенно злиться и только летом 1835 г. прислало в Новочеркасск резкий ответ, отказываясь сменить землемера Шаржинского из-за «одного подозрения землемера Груднева» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 127об.).

Конфликт между донскими и екатеринославскими властями продолжал разгораться. Войсковая канцелярия требовала от Д.Е. Кутейникова принудить екатеринославских чиновников поставить дату размежевания на 25 августа (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 135). Екатеринославские власти, все больше устающие от донских, отвечали, что прошлую дату межевания сорвали исключительно войсковые чиновники, вовсе не прибывшие на согласованную встречу, где их ждали несколько дней («исключая одного только землемера Груднева, но и сей прибыл 18 числа уже поздно»), и посему, не желая отвлекать крестьян от полевых работ на межевание, они назначают его на 12 октября, о чем уже отправлены указания (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 136-136об.). Войсковая канцелярия в ответ обвиняла екатеринославцев в очередной неявке на предназначенную для начала межевания встречу 25 августа (Груднев и новый войсковой депутат полковник Попов на нее пришли), но выражала согласие встретиться 12 октября, чтобы все же покончить с делом (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 141об.). И 12 октября случилось что-то уж и вовсе необычайное: на встречу для обмежевания границы наконец вовремя приехали обе депутации, однако... не явился полковник Попов, а также оба землемера. Без землемеров точно установить границу было невозможно, и депутации разошлись, признав потерю еще одного года (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 144об.). В своих лучших традициях только после этого войсковая канцелярия внезапно обнаружила, что Груднев занят срочными межевыми работами в связи с введением в действие «Положения об управлении Донского войска» и не может отвлекаться (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 145).

Что же касается полковника Попова, то он оправдывал свою неявку тем, что, разобравшись со своим поручением, понял, что не обнаружил самого нужного документа: «описания границ Земли Войска Донского с Екатеринославской губернией» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 145). Затем, предвосхищая риторику казакоманов 1860 гг., рассматривавших Войско Донское как государство в государстве, полковник Попов утверждал, что отсутствие этого описания не просто затормозит работу, но и «может быть опорой екатеринославскому правительству» (курсив наш – Авт.) на продолжение его дела» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 146). Таким образом, к этому моменту то, что началось как невинная попытка уточнить прежнюю границу, превратилось в борьбу властей Донского

Войска и Екатеринославской губернии, и донские чиновники явно желали уберечь земли, которые считали своими, от претензий крестьян устья Дона.

Финал этой борьбы получился абсолютно внезапным. Дело в том, что донские чиновники позволяли себе весьма вызывающее поведение не только с местными, но и с имперскими властями. Введение в действие «Положения об управлении Донского войска» было принято ими демонстративно холодно (на публичную церемонию дарования нового закона почти никто не явился), и лично император, Николай I, пришел в ярость. Атаман Д.Е. Кутейников сразу же был заменен им на М.Г. Власова, причем адъютант последнего, А.П. Чеботарев, зафиксировал такие слова, сказанные императором: «Когда сенаторы обнародовали закон, то при этом было три-четыре генерала ваших, и только те, которых служба удерживала в Черкасске, а у вас их до тридцати. Я знаю, отчего не был Денисов, Сысоев, Иловайские. Отчего не были другие? И дворян ваших почти никого не было. Они пренебрегли мной, скажите им, что я ими тоже пренебрегаю. Да, пренебрегаю. Я знать их не хочу» (Volvenko, 2015: 108). Конечно, на Дону не могли знать точных слов Николая I, но сам факт смены атамана явно указывал на неудовлетворенность императора положением в войске. Однако даже в этих условиях Д.Е. Кутейников не только не поменял своей линии поведения, но и, напротив, продолжал действовать совершенно неадекватно. Бывший атаман пытался отказаться от личной встречи с новым для передачи ему своего звания и регалий; не желал отвечать на личный визит к нему М.Г. Власова; наконец, в день прощального обеда Д.Е. Кутейникова оказалось, что он показательно и оскорбительно не пригласил на него своего преемника (N..., 1875: 220-221)! Потребовалось вмешательство находящихся на Дону сенаторов, чтобы создать хотя бы видимость нормальной обстановки: только когда эти сенаторы отказались присутствовать на обеде, если на него не будет приглашен М.Г. Власов, Д.Е. Кутейников был вынужден отдать ему визит и заодно пригласить на прошедший крайне скучно и натянуто обед (N..., 1875: 221). Произошли изменения и в самой системе управления войском: в частности, как раз была упразднена войсковая канцелярия, вместо которой создавалось войсковое правление (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 151). О полноценной преемственности между прежней и новой войсковой администрацией в таких условиях говорить не приходилось.

На этом фоне про спор с чиновниками Екатеринославской губернии, по-видимому, просто забыли, осознано или случайно. При этом конфликт с крестьянами дельты Дона продолжался: в конце 1836 г. снова было возбуждено дело об использовании ими войсковых земель (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 151об.). Однако войсковое правление демонстрировало полную неосведомленность обо всей предыдущей ситуации: в январе 1837 г. оно уведомило новосозданную комиссию, занимающуюся размежеванием земель на Дону, что проведение границы между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского до сих пор не осуществлено «по неимению в бывшей войсковой канцелярии основных документов, по которым бы можно было безошибочно отыскать уничтожившуюся между старого времени» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 152). Обвинения чиновников местных органов Екатеринославской губернии в неявке для проведения размежевания, конфликты с ростовским земским судом – обо всем этом администрация М.Г. Власова то ли не знала, то ли делала вид, что не знала. Зато теперь войсковое правление осознало, что официальной межи нет не только в районе Азова, но и по всей западной границе Земли Войска Донского и эту проблему надо начинать решать (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 152об.). Новые попытки размежевания породили новые конфликты, заслуживающие отдельного изучения. Однако первый спор о границе земель донских казаков и малороссийских губерний был завершен, причем, что показательно, просто ничем: за десять лет чиновники соседних регионов не смогли ни разу полноценно встретиться для проведения измерительных работ, зато жалобы на эту ситуацию были направлены новороссийскому генерал-губернатору и в правительствующий сенат.

Более того, как раз в конце 1830 гг. возникла идея создать из восточных частей Екатеринославской губернии и западных частей области Войска Донского отдельную губернию. К сожалению, детали данного сюжета до сих пор не известны. Однако о нем, пускай и с серьезными разночтениями, упоминают как таганрогский краевед П.П. Филевский (Филевский, 1898: 193-195), так и документы Государственного архива Ростовской области (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1130. Л. 3). И, как мы видим, предпосылки для создания новой губернии действительно были: граница между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией, признаваемая обеими сторонами, во многих местах отсутствовала; региональные власти демонстрировали до 1836 г. просто патологическую неспособность договориться друг с другом; наконец, как мы видели, у екатеринославского губернатора ушел почти год на то, чтобы ростовский земский суд связался с войсковой канцелярией, т.е. контроль губернских властей над восточными окраинами был довольно условным. Таким образом, уже в 1830 гг. остро встал вопрос пересмотра, а фактически определения заново новых границ между казачьими и малороссийскими областями, однако на его решение ушло полвека.

5. Заключение

Подведем итог всему описанному выше. События вокруг проведения границы между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского в 1826–1836 гг. интересны сразу в двух отношениях. Прежде всего, они служат прекрасной иллюстрацией тому, что введение в действие

«Положения об управлении Донского войска» от 1835 г. было обосновано реальной необходимостью упорядочения управления Донским краем. Безусловно, отдельные положения данного документа могли быть спорными и даже прямо противоречить интересам донского казачества. Однако один факт того, что до принятия данного документа войсковые власти десять лет (!) решали элементарную задачу согласования встречи местных чиновников и землемеров со сторонними, доказывает, что вся система управления Войском Донским нуждалась в срочной реформе. Нужно сказать, что ближайшие современники понимали это, и, например, Н.И. Краснов прямо писал, что «положение привело в порядок все отрасли донского управления и хозяйства, укрепило судебную и административную власть во всех инстанциях и достигло главнейшей своей цели: централизации и порядка» (Краснов, 1863: 64). Однако у позднейших авторов часто начало преобладать односторонне-критическое отношение к данному документу как нарушающему исконные казачьи права. Характерно мнение на этот счет выдающегося историка казачества А.И. Козлова, утверждавшего, что «закрепощение <казачества>, начавшееся в 1721 г., получило правовое оформление в 1835 г.» (Козлов, Козлов, 2000: 110). Приведенные нами факты показывают, что до принятия «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г. войсковые власти придерживались преувеличенного мнения о своих правах и пытались даже указывать равным по статусу губернским учреждениям, и потребность в четкой фиксации этих прав, неизбежно противоречащей интересам части казачества, давно назрела.

С другой стороны, разобранные нами события интересны как первый документально зафиксированный конфликт официальных властей Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского из-за разделяющей их границы. Поскольку в дальнейшем основная часть территорий Екатеринославской губернии вошла в состав Украины, а основная часть территорий Земли Войска Донского – в состав России, этот конфликт представляет и самостоятельный исторический интерес. Сейчас вопрос о границе Украины и России сильно политизирован, предпринимаются попытки обосновать ту или иную конфигурацию этой границы историческими фактами и представить спорные территории как исконные земли той или иной нации (Галкин, 2015: 1). И на этом фоне очень иронично понимать, что первый конфликт между официальными властями Земли Войска Донского и Екатеринославской губернии начался не из-за реальных национальных или экономических противоречий, а из-за чиновничьих амбиций: хотя первоначально обе стороны были готовы добрососедски обсудить перенос межи, каждая считала, что время и место начала этого переноса должна выбирать она и противная сторона, не выполняя соответствующих указаний, а присылая свои, злостно препятствует установлению справедливой границы.

Литература

- Галкин, 2015 – Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. Донецк, 2015. 52 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Козлов, Козлов, 2000 – Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // *Казачество: прошлое и настоящее*. Волгоград, 2000. С. 95-125.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1863. 596 с.
- Ле Руа Ладюри, 2001 – Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. 541 с.
- Милютин, 1947 – Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. Т. 1. М., 1947. 255 с.
- Милютин, 1949 – Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. 297 с.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 288 с.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Стефанов, 1927 – Стефанов А.Т. Архив крепости Святого Димитрия Ростовского и его судьба // *Записки Северо-Кавказского краеведческого общества археологи, истории и этнографии*. Ростов-на-Дону, 1927. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 1. С. 16-22.
- Столетие военного министерства, 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1902. 437 с.
- Татаринов, 2019 – Татаринов И.Е. Российско-украинское приграничье в 1917–1919 гг.: особенности политико-административных преобразований на Дону и в Крыму // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2019. № 1 (44). С. 47-55.
- Татаринов, 2019 – Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. № 1. С. 103-113.
- Филевский, 1898 – Филевский П.П. История города Таганрога. М., 1898. 376 с.
- Krinko, Medvedev, 2015a – Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (9), Is. 3, pp. 204-219. DOI: 10.13187/ra.2015.9.204

[Krinko, Medvedev, 2015b](#) – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10), Is. 4, pp. 288–295. DOI: 10.13187/ra.2015.10.288

[Krinko, Tatarinov, 2014](#) – *Krinko, E.F., Tatarinov, I.E.* (2014). «We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...»: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s. *Bylye Gody*. № 34 (4). Pp. 639–644.

[N..., 1875](#) – N. Максим Григорьевич Власов, атаман Войска Донского, 1836–1848 // *Русская старина*. 1875. Т. XIII. С. 220–221.

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Yu.* Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2, pp. 448–456.

[Volvenko, 2015](#) – *Volvenko A.A.* Chebotarev A.P. – “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. P. 108.

References

[Filevskii, 1898](#) – *Filevskii, P.P.* (1898). Istoriya goroda Taganroga [The history of the city of Taganrog]. M., 376 p. [in Russian]

[Galkin, 2015](#) – *Galkin, Yu.I.* (2015). Sbornik dokumentov o pograničnom spore mezhdru Rossiei i Ukrainoi v 1920–1925 gg. za Taganrožsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoi oblasti [Collection of documents on the border dispute between Russia and Ukraine in 1920–1925 for the Taganrog-Shakhty territory of the Don region]. Donetsk, 52 p. [in Russian]

[GARO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

[Kozlov, Kozlov, 2000](#) – *Kozlov, A.A., Kozlov, A.I.* (2000). Imperskaya politika ogosudarstveniya, militarizatsii i zakrepostsheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [Imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of the Cossacks in the XIX-early XX century]. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee*. Volgograd. Pp. 95–125 [in Russian]

[Krasnov, 1863](#) – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. SPb, 596 p. [in Russian]

[Krinko, Medvedev, 2015](#) – *Krinko, E.F., Medvedev, M.V.* (2015). “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925. *Russkii Arkhiv*. Vol. (9), Is. 3, pp. 204–219. DOI: 10.13187/ra.2015.9.204

[Krinko, Medvedev, 2015a](#) – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* (2015). “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925. *Russkii Arkhiv*. Vol. (10), Is. 4, pp. 288–295. DOI: 10.13187/ra.2015.10.288

[Krinko, Tatarinov, 2014](#) – *Krinko, E.F., Tatarinov, I.E.* (2014). «We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...»: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s. *Bylye Gody*. № 34 (4). Pp. 639–644.

[Le Roy Ladurie, 2001](#) – *Le Roy Ladurie, E.* (2001). Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, Occitan village (1294–1324)]. Ekaterinburg. P. 541. [in Russian]

[Miljutin, 1947](#) – *Miljutin, D.A.* (1947). Dnevnik D.A. Miljutina. 1873–1875 [D.A. Milyutin's Diary. 1873–1875]. M. Vol. 1. P. 255. [in Russian]

[Miljutin, 1949](#) – *Miljutin, D.A.* (1949). Dnevnik D.A. Miljutina. 1876–1877 [D. A. Milyutin's Diary. 1876–1877]. M., 1949. Vol. 2. P. 297. [in Russian]

[N..., 1875](#) – N. Maksim Grigor'evich Vlasov, ataman Voiska Donskogo, 1836–1848. *Russkaya starina*. 1875. Т. XIII. Pp. 220–221. [in Russian]

[Novitskii, 1991](#) – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [From the memoirs of a gendarme]. M., 288 p. [in Russian]

[OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2016). Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2, pp. 448–456.

[Stefanov, 1927](#) – *Stefanov, A.T.* (1927). Arkhiv kreposti Svyatogo Dimitriya Rostovskogo i ego sud'ba [Archive of the fortress of st. Demetrius of Rostov and its fate]. *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevedcheskogo obshchestva arkheologii, istorii i etnografii*. Rostov-na-Donu. Kn. 1 (T. 3). Vyp. 1. Pp. 16–22. [in Russian]

[Stoletie voennogo ministerstva, 1902](#) – Stoletie voennogo ministerstva [Centenary of the war office]. 1802–1902. Т. XI. Ch. 2. SPb., 1902. 437 p. [in Russian]

[Tatarinov, 2019](#) – *Tatarinov, I.E.* (2019) Rossiisko-ukrainskoe prigranič'e v 1917–1919 gg.: osobennosti politiko-administrativnykh preobrazovaniy na Donu i v Krymu [Russian-Ukrainian Border Area in 1917–1919: Features of Political and Administrative Transformations on the Don and in the Crimea]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 1 (44): 47–55. [in Russian]

[Tatarinov, 2019](#) – *Tatarinov, I.E.* (2019). K voprosu o formirovanii rossiisko-ukrainskoi granitsy na yuge Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1917–1925 gg. [On the formation of the Russian-Ukrainian border in the

south of the Central Chernozem region in 1917-1925]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 1: 103-113. [in Russian]

Volvenko, 2015 – Volvenko, A.A. (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. P. 108.

Первый конфликт вокруг административной границы Екатеринославской губернии и области Войска Донского: опыт исторической реконструкции

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}, Николай Алексеевич Трапш ^c

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается первый пограничный конфликт между властными структурами Екатеринославской губернии и области Войска Донского, начавшийся в 1820-е гг., развивавшийся более 10 лет и документально зафиксированный в дифференцированных источниках. Привлеченный эмпирический материал позволил детально реконструировать сложные взаимоотношения двух сопредельных административных субъектов Российской империи, реальные особенности землеустроительной практики в региональном пространстве, специфические черты местной бюрократии. В частности, значительный интерес представляет авторская реконструкция отдельных управленческих контактов исполнительной власти и судебных институтов, иллюстрирующих недостаточно эффективную координацию совместных действий. Собранные факты позволили установить системную связь между внутренними социально-политическими процессами, развивавшимися в рассматриваемый период в области Войска Донского, и внешними связями региональных властных структур. Отдельного внимания заслуживают локальные сюжеты, связанные с открытыми и латентными конфликтами войсковых властей с высшей имперской администрацией, приводившими к дальнейшему сокращению управленческих полномочий местной элиты. Следует отметить и целый ряд портретных зарисовок, характеризующих региональных чиновников, например войскового атамана Д.Е. Кутейникова, и позволяющих органично проиллюстрировать синхронные административные процессы. Представленная статья основана на аутентичных архивных материалах, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: граница, Екатеринославская губерния, область Войска Донского, конфликт, власть, межевание, атаман, чиновник, администрация, канцелярия.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko),
dukekeleshbey@gmail.com (Н.А. Трапш)